

Анастасия Долинская

Синдром русалки



Анастасия Дмитриевна Долинская

Синдром русалки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27056118

ISBN 9785448321344

Аннотация

Это, наверное, происходило со всеми: цвело лето, сумасбродила юность, первые чувства кружили голову. Об этом моя история, разве что я добавила в неё немного деревенских баек.

Содержание

1	5
2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Синдром русалки

**Анастасия Дмитриевна
Долинская**

© Анастасия Дмитриевна Долинская, 2017

ISBN 978-5-4483-2134-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Медленно, словно лентясь, наступал летний вечер... Лучи солнца, ещё пока игравшие на поверхности реки весёлыми солнечными зайчиками, начинали спускаться за горизонт... Чистое лазурное небо темнело... Потихоньку. Эта особая, сиреневая, темнота, наступавшая на небеса, осторожно, как кошка, подбиралась всё ближе к многоцветному закату, местами пылающему, словно огонь, а местами бледно-розовому. Зажигались первые звёзды, выплывал молодой месяц, казавшийся таким нежным на фоне вечеряющего неба. Всё замолкало, засыпало, уходило в неведомую страну чудес и сладких снов... Разве может что-то быть прекраснее этого времени? День уже простился с природой, а ночь только вошла в мир, не успев поздороваться, и робко смотрит на всех и всё, прикусив нижнюю губу. Ах, наверное, стоит как можно чаще отрываться от своих якобы неотложных дел в пыльном городе, чтобы посмотреть на эти пышущие романтикой вечера. Конечно, не каждому дано оценить это природное богатство, исключительность момента. Для того, чтобы впустить в себя эту красоту, нужно открыть для неё двери своего сердца. А уж если открыл, то смотри и наслаждайся. Всё вокруг приводит душу в неопишуемые, разноликие чувства: это и спокойствие, и чуть заметная взволнованность, и светлая печаль, и какой-то тихий, очень интимный восторг.

Слышен ещё щебет припозднившихся птах, редкий хор лягушек, да разговоры влюблённых в саду... Там, на скамейке под плакучими ивами, сидели двое...

– И ты действительно в это веришь? – насмешливо спросил Димка.

– Ну, скажем так: мне очень хочется в это верить, – Катя поправила золотистую чёлку и толстую косу, – Всё-таки скоро ночь на Ивана Купалу! Всякое может случиться! Я думаю, что чудеса где-то рядом, просто мы их не видим, не слышим, не чувствуем... Просто люди до того очерствели, что не могут оторвать свои взгляды от пороков цивилизации. В их умах только пошлости и меркантильные интересы, секс и деньги, в их мире нет места для чуда. Люди, которые более склонны к наблюдательности, называют чудесами такие события, как рождение ребёнка, рассвет, спасение тяжелобольного... Это же и правда нечто удивительное, нечто прекрасное! Но я бы хотела верить, что есть и более волшебные вещи в этом мире...

– Пфф, – вздохнул Димка иронично, но Катя продолжала, не обратив внимания.

– Обыкновенное волшебство можно увидеть невооружённым взглядом. А если открыть глаза пошире, позволить сознанию работать усерднее, можно увидеть чудеса необычные. Понимаешь? Ты же не такой, как остальные. Ты такой же, как я, я это чувствую. Вся твоя натура кричит: я мечтатель, романтик... И не морщи так брови, не был бы ты та-

ким же, ты бы не сидел сейчас здесь, со мной на лавочке, любуясь на этот закат. Ты же сам настоящее чудо! Как ты можешь не допускать возможности существования сверхъестественного?

Кате было пятнадцать лет. Дима искренне считал, что Катя идеальна. Нет, конечно, после нескольких лет тёплой дружбы, он знал все её минусы наперечёт. Но и отрицательные черты девушки он тоже любил. Хотя их было не так уж много.

С глубокого детства Катя отличалась не только природной красотой и пытливым умом, но и рядом талантов, которым могли бы позавидовать многие девочки. Она, в свои пятнадцать, уже имела красный диплом об окончании музыкальной школы по классу фортепиано, и не зря. Играла она чудесно, перебирая тонкими, но сильными пальчиками клавиши рояля, стоящего на веранде дачи. Катя ловко брала любые пассажи, умудряясь при этом периодически поправлять золотистую прядь волос, которая постоянно выбивалась из аккуратного пучка и спадала на лоб. Игра девушки настолько завораживала, что даже те гости дома, которые до этого классической музыки чурались, начинали восторгаться и Бетховеном, и Григом, и просить сыграть ещё.

Катя самостоятельно научилась так же игре на гитаре. Пальцы левой руки от периодических тренировок часто натирались и болели, из-за чего девушка уже в который раз клялась выбросить гитару к чертям, отрастить ногти и сде-

лать французский маникюр. Останавливала девушку только любовь её друзей к вечерним посиделкам у костра. Там она становилась центром внимания, и это не могло не льстить её самолюбию.

Юная леди так же довольно часто писала стихи, правда никому их не показывала, стесняясь критики и, вообще, считая их очень личными. В её тетради можно было найти стихи буквально обо всём: там были и мысли о прочитанных книгах, о мироустройстве, о людях, критика человеческих пороков, социальные стихи, рассуждения на тему политики, самоанализ и яростная критика Шопенгауэра и Фрейда. Не то, чтобы их взгляды на жизнь были большой для Катерины темой, вовсе нет. Просто приятно было дискутировать со своими невидимыми собеседниками о волнующих в то время девушку вопросах: мотивации поступков, ценности человеческой жизни и прочем.

Особое слово стоит сказать о кулинарных способностях девушки, которые проснулись, если я не ошибаюсь, в тринадцать лет. В один прекрасный день Катя захотела удивить маму её любимым лакомством. Забыв о том, что никаких виртуозных блюд она никогда не готовила, девушка сходила в магазин за продуктами и по рецепту из маминой поваренной книги сделала жульен. Кате он показался очень вкусным, хотя, щепетильный отец во время ужина сказал, что очень уж много курицы она туда добавила. Может быть и так, но этот подвиг всё равно дал сил на следующие. С тех пор и нача-

лось: мясо по-французски, роллы, супы, выпечка и многое другое.

Девушка определённо любила вкусно поесть и вкусно кормила окружающих. Но и о фигуре старалась не забывать.

Были у неё, конечно и минусы, казавшиеся Диме совсем незначительными и проходящими с возрастом – Катя, как может быть и любая молодая девушка, редко думала о последствиях. Вернее думала она не редко, но уже после совершения поступка. Девушка это понимала и старалась устранить этот недостаток, иногда у неё это даже получалось.

Также она была в меру ленива и неряшлива. Например, ей не нравилось наводить порядок на столе, в шкафах, заправлять кровать. Тем не менее, появляющийся со временем хаос в квартире начинал её бесить, и всё равно приходилось браться за тряпку и веник. Порядок наводила с остервенением и даже некоторой долей бешенства, но чистоту в доме восстанавливала быстро и ладно.

Впрочем, все эти пустяки не могли затмить достоинств Катерины. Всё равно она оставалась хорошенькой пай-припевочкой. Вот есть же такие люди, которые всегда бодры, добры и веселы, всегда улыбаются, не унывают и всё успевают. Как у них так получается – загадка даже для автора, а уж для сверстников Катиных, наверное, тем более. Тем не менее, девушка знала ответ на этот нехитрый для неё вопрос, и с удовольствием объясняла его всем желающим. Но, как обычно, никто не слушал суровых рекомендаций о том, что

нужно меньше лениться, не жалеть себя, быть честной с собой и слушать дядюшку Карнеги.

Как-то так получилось, что Дима очень привязался к Кате. Девушка как бы окрашивала его серую жизнь в яркие краски, придавала новые ощущения приевшимся дням. Эти чувства, переполнявшие его, были настолько для него новыми и незнакомыми, что мальчик сам не мог их охарактеризовать. Часто Дима задумывался – может быть это и есть та самая любовь, про которую пишут в книжках? Увы, Дима боялся ответить себе и сказать Кате. Он знал только одно твёрдо – если она исчезнет из его жизни, то парень и сам пропадёт.

Диме так нравились её светло-карие, как говорится, цвета виски, глаза: мальчику казалось, что он непременно, непременно должен когда-нибудь поплатиться за счастье смотреть в них. А золотистые волосы, лежавшие волнами, были особенно прекрасны, когда их трепал ветер. Юноша не мог налюбоваться солнечным морем из Катиных волос. Нежная, слегка загорелая кожа, требовала поцелуев.

Округлые черты лица предавали ей детской непосредственности, пряди медленно отрастающей чёлки, обрамляли лицо, и пухлые губки, так часто складывающиеся в улыбку, манили влюблённого юношу.

Но возможность быть вместе с этой замечательной девушкой казалась настолько нереальной, что Дима предпочитал держать свои чувства в тайне ото всех, порой даже пытаясь

обмануть себя...

Тем не менее, Катя испытывала искреннюю любовь к Димке, но тоже молчала, изредка кокетничая, строя глазки и мечтая об его объятьях. Почему молчала она?

Девушки, вообще, странные существа, никогда не предугадаешь, что им на самом деле надо... Ведь Катя, обладала чудным женским качеством: она безошибочно чувствовала к себе неподдельную симпатию. Бывает же так, обводишь взглядом местные пейзажи и натыкаешься на его голубые глаза. Он просто смотрит на тебя и молчит, слегка улыбувшись. Ох, эти взгляды... Дима так на неё смотрел, как будто готов был целовать следы её ножек на песке, убивать миллионы людей ради неё, двигать горы, переплывать океаны, драконов убивать – в общем, делать всё, что полагалось влюблённым принцам.

И всё же она каждый день любовалась его пронзительно-голубыми глазами, тёмными волосами, и наслаждалась общением с мальчиком, но решительных шагов не принимала... Каждый день Катя надеялась, что уже совсем скоро она сможет не стесняясь целовать его, одновременно не веря в возможность этого и боясь подумать, чем это может закончиться.

На самом деле, это очень раздражает, когда ты – девушка, знаешь, что, безусловно, нравишься симпатичному и милому парню, а он медлит и не предпринимает решительных шагов в сторону отношений. А ты ведь согласна быть с ним,

таять в его сильных руках, готовить ему кулинарные изыски, удивлять, обнимать, ласкать, целовать, отвлекать от грустных мыслей!... Но ты боишься открыть себя, предложить всё это, боишься, что все твои мысли о его симпатии – не больше, чем фикция, чем придуманная грёза. Катя очень надеялась на то, что эта открытость между ними, это ощущение внимания к себе не надумано, и Дима всё-таки предложит девушке быть вместе, в то же время боясь этого, что усугубляло положение. Очень сложно принимать какое-то решение, не будучи уверенным до конца в том, чего же ты на самом деле хочешь и не очень понимая последствия. В данном случае, последствия Катю очень волновали. Это был слишком серьёзный для девушки вопрос, чтобы решать его легкомысленно.

Сейчас они с Димой были отличными друзьями. А если предположить, что они бы стали парой и что-то бы пошло не так, то Катя потеряла бы не только любимого мальчика, но и лучшего друга. Это не могло не смущать девушку. Воспитанная на хороших книжках и примере своей семьи, девочка хотела подарить всю свою нежность только одному мужчине в своей жизни, и не расплытаться ни на кого другого. Но возможно ли это, что именно Дима стал бы её судьбой?

На самом деле, они были бы шикарной парой. Мальчик, конечно, не был идеальным диснеевским принцем, но многие отмечали в его внешности особый шарм. Правильные

черты лица; выступающие, развитые несколькими годами тренировок, мускулы пловца; большие, как будто бы всегда чуточку удивлённые глаза; изогнутые брови; довольно длинная, по меркам его друзей, шевелюра. И всё это в сочетании со строгими принципами, хорошим чувством юмора, искренней добродетельностью делало Диму в глазах Кати идеальным принцем.

В школе Дима учился «не ахти», хотя по-честному старался. Хорошо ему давались только точные науки, с остальными предметами практически был завал. Дима любил так же читать, однако рассуждения его по проблематике прочитанных произведений совершенно не нравились учителю. Дима злился, что ему каждый раз затыкали рот, не давали высказать собственного мнения и навязывали классическую (читай «банальную») точку зрения. Но мальчик продолжал стоять на своём, частенько повторяя фразу о том, что «не каждое оценочное суждение должно являться модификатором поведения», а значит, сколько с ним не спорь – он будет говорить то, что думает.

Ребята часто гуляли вместе, спорили, разговаривали обо всём на свете. Им очень нравилось встречать рассветы, гулять по ночам, любясь на звёзды, да и просто проводить время вдвоём. Дима часто приходил к Кате в гости, и та учила его играть на гитаре. Мало-помалу у мальчика даже получалось. Дима же в ответ учил Катю плавать баттерфляем, брассом и вообще хоть как-нибудь, ибо у девушки получа-

лось только, как говорится, «топориком». У Кати всё время сбивалось дыхание или же страх сковывал движения, но она не сильно расстраивалась, потому что Дима вновь и вновь поддерживал её сильными руками, подбадривал, и, не унывая, продолжал обучение. Эта трогательная забота давала Кате надежду...

Да, они были бы шикарнейшей парой, но... оба держали свои симпатии в секрете и, молча, ждали той минуты, когда кто – то решится сделать первый шаг.

А разговор под плакучими ивами шёл дальше:

– Эх, Катя, Катя. Пятнадцать лет девке, а она во всякую чепуху верит. Да, вот что значит – гуманитарный склад ума. Катя, чудес не бывает. Это раньше, может, было: «уу, гром, значит, ангелы едут по небу на колесницах», «уу, я заплутал в лесу, это всё леший, сволочь, виноват!» – Димка корчился и делал смешные лица – Сейчас уже не тот век, любое явление можно логически объяснить. Катя, ну ты же здоровая, психически – нормальная девушка, что ты ересь несёшь? Таких наивных замуж не берут, – парень показал язык.

– Да правда что ли? – Катя, улыбнувшись, с укором заглянула Диме в глаза – Всё-таки, откуда в тебе такая уверенность? Быть может, мы этого просто не замечаем. И чудеса не замечаем. И прячемся в повседневности от всего... Ты же знаешь, что мозг наш работает лишь на 10 процентов. Если бы он работал чуть усерднее, возможно мы могли бы летать, общаться с животными, любить без заморо...

– Если бы, да кабы – прервал Катю Дима, нахмурившись.

– Ты аргументируй лучше, чем обрывать на полуслове, – обиженно сказала Катя.

Дима резко встал, и почти вскричал:

– Кать, какие аргументы? Бога нет, дьявола нет, чудес нет, жизнь – способ существования белка, а мир прост, как дважды два.

– Ну... – спокойно возразила Катя – вопрос о существовании Бога вообще не разрешим за неимением достаточного количества доказательств. Да и логика твоя зачастую бессильна.

– Зато твоя, женская – тут Дима сделал руками жест, обозначающий между ребятами кавычки, которые как бы добавляли иронии в сказанное – твоя женская логика всегда права, не так ли?

Дима сел обратно на скамью. Катя закрыла глаза, повернула голову к ускользящему за реку солнцу, облизнула пересохшие губы и заговорила:

– Ну, хорошо, а что ты скажешь на счёт параллельных миров? Где есть другие измерения и плавают позитроны? А что на счёт инопланетян, которые живут в других измерениях или тупо на других планетах? Всё в этом мире так относительно, так сложно и непонятно...

– Знаешь, прежде чем задумываться о таком, неплохо было бы со своей жизнью разобраться, – попытался вернуть девушку в реальность Дима.

Но Катя его не слушала:

– Вот знаешь... Часто думаю об этом. А что, если мы не живём, а помнимся?

– Как это? – удивился Дима.

– Смотри, в госпитале, под капельницей, при смерти лежит беззубая старуха, баба Катя, допустим, – девушка невольно хихикнула, представив свою старость, – Последние секунды жизни её истекают. Перед глазами плывут воспоминания, вся жизнь летит. Подсознание хватается за последнюю возможность жизни и бабушке кажется, что эти воспоминания текут так же, как и сама жизнь, и что она снова живёт, снова общается с соседским мальчишкой, снова дышит жарким воздухом июля. А я – лишь воплощение её подсознания, то есть, я и есть та старая Катерина, но меня в данном отрезке времени не существует, ибо всё, что сейчас происходит – её воспоминание. Всё что со мной случается уже было с ней, а я воспроизвожу события по намеченному пути, сама того не подозревая. Понимаешь, что если я – воспоминание?

Неожиданно послышался голос непонятно откуда взявшейся Ирки

– Старушка, ты не перегрелась? Что за бред несёшь? Тебе Димочкин мозг не жалко? – сказала она, приторно улыбнувшись Кате и приобняв Диму за плечи.

Дима вырвался из крепких объятий девушки, буркнув:

– Иди, куда шла вообще...

Ирка была ровесницей Кати с рыжими волосами, мелко

вьющимися и довольно красивыми, но вечно заделанными в хвост или в пучок. Девушка была чуть повыше остальных ребят, она имела прямой орлиный нос и, почему-то, вечно грозный взгляд. Ира не скрывала своих симпатий к Димке, называла его не иначе, как исковеркав его имя до пошло-го «Димусечки». Строила планы на их будущую совместную жизнь.

Девушка любила поучить окружающих этикету, однако редко ему следовала сама. Больше всего ребят злила её манера перебивать остальных. Всех, кроме Димы. Дима больше всего ненавидел в девушке её потребность тискать мальчика, пачкая его футболки розовым блеском. Из цепких объятий девушки было не так-то легко выбраться.

Что ещё стоит добавить в образ Иры? Девушка, как и многие представительницы женского пола, любила посплетничать, помечтать, повозмущаться о своей нелёгкой женской доле. Считала себя безумно красивой и, может быть оттого, любила короткие шорты, мини-юбки и глубокие декольте. Нельзя же скрывать свою красоту от окружающих, верно? Несмотря на показную хорошенькость, которую так старательно играла девушка перед нужными для неё людьми, Ира не была приятной личностью. Надеюсь, читатель уже понял, что сия девушка в нашей повести героиней отнюдь не положительный.

Её любовь (если это можно назвать любовью) к парню началась в этой же деревне. В далёком детстве, пятилетний

мальчишка спас рыжую будущую бестию, которая заплывла очень далеко и захлебнулась бы в реке, если бы не Дима. Тогда она твёрдо решила, что голубоглазый мальчик предназначен ей судьбой, нарисовала на листе картона их будущих детей и ждала момента, когда он ей сделает предложение. Но тот факт, что мальчик оставался абсолютно к ней равнодушен, приводил Иру в недоумение.

Зато когда мальчик в городе познакомился с Катей, он будто обрёл смысл жизни. Их история дружбы была совершенно обычной – мамы ребят познакомились на курсах вождения и сдружились. Дима и Катя тоже быстро нашли общий язык. У них не возникло той романтической привязанности, о которой так часто снимают фильмы, но появилось более нежное, глубокое и трепетное чувство, которое каждый понимал по-своему. А потом Катины родители купили домик в деревне по соседству с домиком Диминой семьи, чтобы можно было отсылать туда девочку отдохнуть на каникулы. И ребята смогли проводить вместе замечательные летние дни.

Но эти самые замечательные дни им нередко портила наша рыжая бестия. Иру и Диму объединяло, наверное, только одно: оба они любили спорить с Катей. Но если Дима это делал исключительно ради того, чтобы посмотреть, как девушка забавно морщит носик, разозлившись, как горят её глаза, пылают щёки и как она мило хмурит брови, то целью Иринных споров было только унижение Кати в глазах возлюблен-

ного. Дима это знал.

– Ты нам мешаешь, – бросил мальчик в сторону Иры, – а вообще, довольно интересное видение происходящего. Не задумывался об этом раньше... – сказал Дима, обращаясь к Кате.

– Да кому вы больно нужны – гордо ответила Ирка и, пройдя немного, добавила, – философы доморощенные, блин.

«Надоела эта русалка златокося! Хоть бы её черти завтра с собой забрали! – думала она про Катю – Ишь ты, теории идиотские ему толкает, глазками своими хлопает. Как же она меня бесит! Тварь, разлучница, гадина!» – думала ревностная Ира про себя. Если бы она печатала эти слова на компьютере, девушка непременно выбрала бы самый большой размер шрифта и печатала бы капсом, чтобы передать ярость, закипающую в её крови.

Дима и Катя продолжали свой разговор.

– Ты правда считаешь, что это интересно? – потупив взор, спросила Катя.

– Честно? Я не совсем понял. Ты предполагаешь, что всё, что происходит сейчас – уже было, и на нынешний момент является твоим воспоминанием в будущем, так?

– Угу, примерно так. Это глупо, да? Я просто всегда думаю, что это ведь совсем нельзя опровергнуть. Что ни сделай – всё может быть воспоминанием. Можно только завершить весь этот бред самоубийством, и только так доказать,

что ты сама властна над своей судьбой.

– Ну, я надеюсь, ты не будешь проверять? – взволновался Дима.

– Ах, нет, что ты. Если я умру, кто тебе будет с домашкой помогать? Да и мне ещё нужно доказать тебе, что чудеса существуют. – Катя улыбнулась.

– Ну, тогда я тебе никогда не поверю, – Дмитрий улыбнулся в ответ, – вообще, если гипотеза не имеет доказательств и проверяемых следствий, то зачем она нужна?

– Вредный мальчишка! Только в математике можно строго доказать определённую теорему.

– Тогда логичнее было бы выдвигать гипотезу исходя из имеющихся фактов. Впрочем, я готов поспорить с тобой, что в ночь на Ивана Купалу ничего знаменательно-волшебного не произойдёт! Идёт? – усмехнулся Дима, протянув руку в знак заключения спора.

– Идёт! Спорим на желание! – с этими словами покрасневшая Катя пожала ему руку.

– Я думал, ты противница споров? – рассмеялся мальчишка.

– Ну, раз уж тебе по-другому не докажешь...

С этими словами Катя встала и, сердито нахмурив брови, пошла домой. Мальчик её сегодня окончательно выбесил. С другой стороны, она не могла не признать, что Дима был весьма мил, когда спорил. Раскрасневшиеся щёки, немного нахмуренные брови, активная, правда ни к чему не нужная,

жестикуляция... В его голубых глазах прямо-таки вспыхивал какой-то огонёк ярости. Особенно Кате нравился его голос во время спора. Он был такой непривычно-агрессивный, грубоватый, жёсткий и возбуждал в девушке необычные для неё желания.

Дима резко встал, бросил взгляд в сторону удаляющейся Кати, пару раз ударил скамейку ногой, и тихонько завыл:

– Каааатя...

Он не ожидал, что девушка услышит, но она обернулась.

– Что?

– Ээ, нет, ничего. Доброй ночи, – смутился Дима.

– Угу, медовых снов, – усмехнулась Катя, и растворилась во тьме.

Дима сел, поставив локти на ноги, ближе к коленям и упервшись ладонями в виски. Так сидел он в свете восходившего всё выше и выше, прямо под звёздный купол, месяца, держась руками за голову и трепля волосы. Он, как настоящий романтик, любил сидеть под луной на скамейке, мечтая в одиночестве. Ночь будто давала ему свободу мысли, будто разрешала думать о запретном, давала волю и возможность пререкаться с философами, литераторами и божьими заповедями. Здесь, на скамейке под луной ему никто не мешал обдумывать свою жизнь, оправдывать Раскольникову, понимать поступки Лолиты, вникать в душу Мастера. Как в нём сочеталась реалистическая натура с хрупкой душой романтика – было непонятно. Ещё больше было непонятно, как

в нём сочеталась логика технаря с гуманитарными мыслями.

– Димусик! Чего же ты грустишь, мальчик мой? Тебе надоела эта Катя? Да? Эта глупая златовласка? – пролепетала Ира, вновь откуда-то взявшаяся, ласково-слащавым голосом – Вот ведь, Барби недоделанная! Хочешь, я тебя утешу, солнышко? Пошли на дискотеку?

Она уже целый час гуляла в окрестностях и ждала, когда уйдёт Катя, чтобы обнять Диму. Она постоянно, как дикая кошка, выслеживала, когда добыча останется одна, чтобы заключить её в свои цепкие объятия. Но Ирина жертва каждый раз брыкалась, толкалась, злилась и ни в какую не давалась. Вот и сейчас, как только она под села к мальчику, тут же обвив его сильные плечи своими руками, он оттолкнул её со словами:

– Отвяжись, рыжая ведьма!

– Это из-за Кати? – плаксивым голосом спросила Ира – Ты меня так ненавидишь из-за Кати? Это ведь она тебе мозги своей чепухой ежедневно пудрит. Я не понимаю тебя. Чем я хуже?

Дима смутился, встал и на прощанье сказал ей:

– Ну, нет! Нет же! Ты мне просто не нравишься! А эта упорность, с которой ты ко мне лезешь, делает тебя ещё невыносимее в моих глазах. Кроме того, с тобой не о чем поговорить, и одеваешься ты как... девушка лёгкого поведения. Я, возможно, скажу тебе банальность, но мне нужна девушка на всю жизнь, а не на пару летних ночей. А ты – во-

все не та, кто будет рядом и в радости, и в горе. Перестань отравлять мне лето! – мальчик резко развернулся и зашагал во тьму.

У девушки в глазах стояли слёзы. Она быстро вытерла их внешней частью указательного пальца, и сердито вздула ноздри:

– Ты бы сначала попробовал поговорить со мной, придурок! А Катя что? Ты думаешь, она такой ангел?

Ира произнесла ещё пару непечатных слов и быстро удалилась в ночь.

«Проклятая Катька! Всё из-за тебя! Ладно, посмотрим кто из нас лучше! Увидим, ещё как увидим, кому из нас достанется этот неразумный самородок. Быть может, завтра мне повезёт...» – думала она. Гнев переполнял её сердце, щёки и уши пылали. По дороге домой Ира пару раз ударила стволы деревьев, но, чувствуя свою беспомощность, рыдалась. Весь мир казался ей не справедливым.

А Дима брёл домой и думал о своих же словах. «Девушка на всю жизнь... В горе и в радости. Могу ли я представить Катю на месте своей жены? Нет, это слишком невероятно. Мне просто нужно быть рядом с ней, почувствовать её дыхание на своей шее, целовать её, наверняка сладкие, уста, гладить мягкие волосы, покрывать всю её поцелуями, чувствовать тепло её тела рядом, обнимать и ощущать, как она вздрагивает от ласк, от блаженных поглаживаний... Но если это счастье будет дано мне только на пару летних ночей – то

это лишь омрачит мне всю оставшуюся жизнь. Как сложно разобраться в себе, как сложно решиться быть честным с собой... Неужели я влюбился? Что теперь будет?»

Всё затихло... Лишь где-то далеко, из синеющего на горизонте леса пел соловей, ему откуда-то из кустов вторила странная птица, которая вместо пения заливалась не то мяуканьем, не то плачем. Еле слышно журчал ручей, который никто никогда не видел; лишь только ночью, когда всё затихало, было слышно его тихий шёпот. Деревья медленно покачивали верхушками, шелестели листья. Взшедший месяц, то скрывался за тучками, то выглядывал... Его свет ласково обнимал спящие деревья и деревянные домики.

И Катя, и Дима, и Ира были частью небольшой, но вполне дружной компании. Помимо перечисленных ребят неотъемлемыми членами компании являлись долговязый Сашка, рыжий рокер Алик и умница Ольга. Всех ребят отправили в деревню на летние каникулы. Так получилось, что и в городе ребята жили в одном дворе, и в деревне оказались почти соседями. Компания подобралась удивительная. Ребята однозначно выделялись из толпы сверстников. Друзья ошарашивали взрослых своей высокой осведомлённостью, пониманием ситуации и наличием собственного мнения. «Вам бы в куклы ещё играть, да в машинки, а не о судьбах вселенной разговаривать», – часто, улыбаясь, говорила им Олина мама.

В отличие от других компаний, ежедневно гробящих свою жизнь в алкогольно-сигаретном угаре, они все в свои годы

отличались устоявшимися принципами и твёрдыми взглядами на мир. Ребята были абсолютно разными, но благодаря широкому кругозору всегда находили, о чём говорить. Взрослые, слушающие их споры, всегда немного удивлялись, какое дело подросткам может быть до плана Алана Даллеса и откуда у них тревога за вооружение страны.

Читатель, конечно, усомнится, что такие подростки ещё существуют. Но на этот счёт автор с удовольствием вас заверит, что лично с такими знаком.

Саша, улыбчивый блондин, занимался баскетболом вот уже несколько лет, мечтал попасть в стоящую команду, чтобы посвятить этому спорту свою жизнь. Ну, в крайнем случае, стать тренером. Многие наблюдатели отмечали ловкую игру Саши и сулили ему спортивное будущее. Саша был самым старшим в компании, в этом году он, наконец, закончил школу, сдал экзамены и теперь с волнением ждал информации о своём будущем: так куда же его возьмут? Учился в школе он довольно неплохо, и экзамены сдал тоже самому себе на удивление хорошо. В деревне он был, как на иголках, ведь в любой момент его могли вызвать в университет, для подачи оригиналов документов... Он жил в соседней деревне, но почти каждое утро приезжал на велосипеде к своему лучшему другу Алику.

Алик с рыжим довольно длинным «хаером», играл на электрогитаре, слушал исключительно глэм-рок, хотя надежды по поводу будущего в роли гитариста в рок-группе

считал пустыми. Конечно, ему бы хотелось тряхнуть волосами, прыгая по сцене, но так же его привлекала литература и языки. Иногда он писал песни, отличающиеся, как считал сам парень, особой актуальностью и «народной наболевшестью». Своей музой он считал Ольгу.

Девушка же считала себя серой мышью, хотя обладала шикарным телом и миловидным личиком. Оля так же любила языки, для своих лет довольно хорошо владела английским, была трудолюбива и усидчива. Пыталась выучить японский. Разбиралась в фотографии и сама любила фотографировать и фотографироваться. Цифровым фотокамерам предпочитала плёночные зеркалки. Выбирала строгий стиль в одежде. Носила аккуратные строгие очки на своём маленьком носике, которые подчёркивали её и без того большие глаза с тёмными стрелочками и минимальным макияжем. Брюнетка с зелёными глазами будто сошла со страниц манги. К Алику питала тёплые чувства, и была рада бывать в его объятиях и чувствовать горячие поцелуи на своих щеках.

Ира не была ничьей подругой. Почти никто не выказывал к ней симпатий, впрочем, агрессии к ней тоже никто не выказывал, в отличие от своенравной девушки. Ира часто сыпала в адреса ребят колкостями, порой за спиной, а порой прямо в лицо. Тем не менее, она пыталась как-то флиртовать с Аликом, что оказалось совершенно бесполезно, тогда перекинулась на Сашу, который ею заинтересовался. Конечно,

целью всего этого маскарада была попытка вызвать ревность у Димы. Но, как вы уже могли понять, попытки так же оказались бесплодны. А вот Саша воспринял её флирт всерьёз и пытался разобраться со своими чувствами. Ира не была его нравственным идеалом, но её мимолётные милые ужимки очаровали парня. Кроме того, девушка была определённо красива.

Ира была будущим стражем порядка. Однако слово «порядочность» можно было бы к ней применить только при первом взгляде. Конечно, она не грабила, не убивала, но стервой была хоть куда, впрочем об этом говорилось ранее. С девятого класса училась в академии МВД, мечтала о многом: о крутых машинах, навороченных гаджетах, о яхте, даче где-нибудь на тихоокеанских островах, о неограниченной власти. Мечтала баллотироваться в президенты от своей любимой партии в будущем. Когда же её в шутку спрашивали о политической программе будущей царицы, никто не мог понять, что же девушка думает на счёт политической ситуации в стране. То она сетовала на государственное финансирование, то радовалась введению платного образования, то корила глупый народ, то утверждала, что якобы существующие химио-трассы – неотъемлемый компонент правления. На критику в сторону правительства она отвечала лаконично и коротко «128.1, будьте аккуратнее». Поэтому разговоры о политике при Ире старались не заводить, считалось это пустым делом.

Но будущее с яхтами и Димой звало и манило её. Хотя, конечно, Ирины странные надежды были несколько надуманны.

Тем не менее, будущее в будущем, а настоящее в настоящем. Вернёмся в июль. В деревне традиционно отмечалась ночь Ивана Купалы. Деревенские в эту ночь топили баню, вечерами купались, по берегам реки жгли очищающие костры, устраивали пляски, игры, лазили по огородам, в местном клубе проводился карнавал для молодёжи... Но ребята, в каком-то смысле, были отщепенцами, белыми воронами, и для них совершенно не представляло никакого интереса смотреть на пьяные рожи знакомых. Поэтому они составили для себя собственную программу.

Ещё в день Агафрены Купальницы была запланирована вылазка в заброшенный и ветхий дом местной колдуньи, гадания на цыганских картах, к вечеру – ночные купания, посиделки у костра, страшные истории и много всего интересного...

Организацию мероприятия распределили каждому по силам. В прошлом году им помогал старший брат Алика, но в этом году он отдавал долг своей стране, крася траву в зелёный цвет, потому приехать не смог, и ребятам пришлось справляться самим.

Одним словом, друзья предвкушали интересный день и каждый, несмотря на свои материалистические убеждения, в глубине души надеялся увидеть что-нибудь необыкновен-

НОЕ.

2

Светлело. Тёмное небо становилось зеленовато-голубым, потом приобретало более тёплые тона по краям. Утренний туман стоял над рекой неким дивным мостиком, лежал шапкой на поле, окутывая деревню. Всё ещё спало. Дети сопели в своих кроватках, крепче обнимая мягкие игрушки, на улицах было тихо и пустынно. Лишь изредка, побрякивая кузовом, проезжали фуры и грузовики с усталыми и сонными дальнобойщиками внутри.

Небо стало совершенно светлым, и вот из-за синей полосы далёкого спящего леса показался край огненно-рыжего шара... Закричали первые петухи, знаменуя новый рассвет. Залаяли собаки, очнувшись ото сна. Потихоньку стало наступать утро. Первые лучи солнца коснулись капелек росы на траве, осветили листья на деревьях, пробудили радость к жизни и порвали лёгкую дымку сна. Месяц начал бледнеть и растворяться в голубом небе, прячась за редкими розовыми облаками. Птички запели свою весёлую песнь, окружили радостным чириканьем лето... Точно так же щебетало и пело сердце у ребят в предвкушении приключений...

Было ещё часа четыре утра, а Димка уже бродил по лугу, среди мокрой травы, наблюдая за восходом. Джинсы были влажными от росы до самых колен, но это ничуть не расстраивало парня. В каждой капельке отражался целый мир, пе-

ревёрнутый вверх ногами, и Дима, то и дело приседая к ним, заглядывал в каждую. Так же его занимали блестящие паутинки, изредка белевшие в траве. Каждая паутинка была будто воздушным замком, сотканным из тонких, дрожащих лесочек, на которые были нанизаны бисеринки – капельки. Мальчик вдыхал прохладный чистый воздух полной грудью и душа внутри него дрожала. Рассвет, новый рассвет, несущий очередной день, новые события и новые слова! Ещё одна возможность изменить свою жизнь в лучшую сторону, ещё один шанс совершить несовершенное!

Если вы никогда этого не делали, вам не понять, какой восторг переполняет человека, встретившего солнце, лично увидевшего, как ночь раскланялась, и уступила своё место новому дню. И радость, и боязнь нарушить очарование происходящего переплетаются где-то глубоко внутри тебя и вырываются наружу искренней улыбкой. Конечно, не каждый поймёт такое, и не каждый сможет себя заставить встать ранним утром из тёплой кровати и выйти в утреннюю прохладу. Но, попробовав лишь раз, вы наверняка захотите ещё.

Дима оторвался от очередного маленького перевёрнутого мира в капельке и решил пройтись по берегу реки. Солнечные зайчики прыгали на волнах. Розовые букеты цветов, на которые обычно никто никогда не обращает внимания, но которые так прекрасны при ближайшем рассмотрении, лениво качались по берегам. Вдоль воды были припаркованы многочисленные лодки. В одной из них кто-то был. Человек

сидел в лодке, склонившись над тетрадкой, и что-то в ней выводил шариковой ручкой.

Тёмный силуэт показался Диме до боли знаком.

– Катя, ты? Что ты здесь делаешь?

Человек в лодке дрогнул.

– Дим, а у меня такой же вопрос. Ужели наш реалист решил нынче рассвет встретить? Али романтик проснулся в душе?

Дима усмехнулся, подошёл к Кате.

– Ты не замёрзла? – спросил он, глянув на внешний вид девушки. Катя выглядела смешным нахохлившимся птенцом в этом белом свитере с огромным воротником. Её золотистые чуть спутанные волосы были заправлены внутрь воротника, из-за чего причёска напоминала каре, а вся девушка – одуван.

– Ммм... только если немножко, – улыбнулась Катя, – совсем забыла, как холодны июльские ночи в противовес жару дней. Мамин свитер оказался не таким тёплым, как я думала...

Дима снял с себя тёплую толстовку и накинул её на плечи девушки, оставшись в одной футболке. Катя начала просить парня надеть её обратно, но он настоял. Тогда девушка одела толстовку на себя, и, выправив запутанные волосы, улыбнулась:

– Ну, разве сегодняшний рассвет – не чудо? Так свежо, так прекрасно и так легко на душе!

Но Дима проигнорировал Катин восторг,

– Почему ты не позвала меня? Я думал, тебе нравится встречать рассветы вместе со мной... – мальчик нахмурился и сел рядом.

Катя положила тетрадь в зелёной обложке на другое сиденье, и, смутившись, ответила:

– Я просто хотела сегодня утром дописать одну вещицу... Ну, мне нужно было сосредоточиться, и я решила погулять одна... Во мне всю ночь копошились мысли и не давали уснуть. Но, как назло, мои мысли не желали оборачиваться в нужные слова. Я решила прогуляться, пришла сюда, и здесь меня поцеловала муза...

– А, так там твои стихи? – загорелся Дима – Наконец-то я их увижу! Давай сюда тетрадь! – парень потянулся за Катиным секретом.

– Нет, нет, что ты! Их нельзя читать! – Катя схватила руку мальчика, – Да там ничего важного. Так, бред графоманский.., – девушка запнулась.

– Зачем ты их пишешь, если никому не показываешь? – удивился мальчик.

– Мне это не нужно. Это слишком личное. Понимаешь, я никому никогда их не показывала. Эти стихи – это частичка меня. Возможно, они кривы, косы и уродливы, но когда я перечитываю их, во мне возрождаются те мысли и эмоции, которые я чувствовала, когда писала. Эти стихи – это мои воспоминания, моя прожитая жизнь моими глазами. Никто

не почувствует того же, что чувствовала я, когда писала их, и что чувствую я, когда их перечитываю. Они нужны прежде всего мне...

– Что ж, прости, я просто считал себя твоим лучшим другом, я думал, что мы доверяем друг другу..., – Дима опустил взгляд и скрестил руки.

– Ну, Дим, их никому нельзя читать – начала успокаивать Катя.

Дима не поднял взгляда.

– Дима, ну не дуйся! Хватит манипулировать мной, – строго сказала девушка, но парень вновь никак не отреагировал на эти слова, – понимаешь, это как с Троянским конём. Мой Лаокоон, мой разум, меня предостерегает, что я могу обжечься, доверив тебе такое сокровенное, впустив тебя в свою душу. Понимаешь? Я читала про взятие Трои и я поверю Лаокоону.

– Я не враг тебе, глупая, – тихо ответил мальчик, слегка обиженно взглянув в её глаза.

Тогда Катя, тяжело вздохнув, взяла свою тетрадку и протянула её Диме.

– На, читай. Только не смейся и не критикуй, я не собиралась никому это показывать.

Дима улыбнулся и взял тетрадь. Внутри себя он ликовал, но виду старался не подавать.

Толстая, 96-листовая тетрадь была исписана ровным почерком чуть более чем наполовину. Тем не менее, в ней бы-

ло много помарок, зачёркиваний, рисунков, видно было, что тетрадь, в принципе, черновая, и не предназначена для посторонних глаз.

Дима пролистал несколько страниц, в поисках самого сокровенного. Здесь было ироническое стихотворение о правлении Лисы и Медведя в лесу, которое закончилось пожаром; было стихотворение, рассказывающее теорию, о которой накануне говорила девушка; было произведение о русалке, выкинутой штормом на берег далеко от воды, и о её трагической гибели; довольно большое произведение рассказывало о ямщике, которому в тёмную ночь два клиента наперебой советовали, как ехать, и в итоге повозка с ними всеми сорвалась в реку; было много рассуждений на тему России, несколько пейзажных зарисовок; и, конечно, несколько стандартных девчачьих стихотворений посвящённых загадочному «Ему», какие пишет любая в 15 лет. Катины стихи не были банальным нагромождением слов, это были лёгкие изящные рифмы, пронизанные нежностью и грустью. Юная поэтесса писала о том, какой «он» замечательный, о том, как девушка боится его потерять и как боится себе признаться, что влюблена до кончиков ресниц. Несчастливая, видя, что весь этот лирический пубертатный бред читает всегда серьёзный Дима, то бледнела, то краснела, нервно теребя в руках ручку.

– Кать, а кто такой «он»? – улыбнувшись, спросил Дима, ожидая услышать своё имя, – Я думал, что знаю все закоулки

твоей души.

Катя не знала, как ответить. Она игриво прищурилась, и чуть склонив голову, сказала:

– Боюсь, моя душа для тебя потёмки.

– Какой же у тебя интересный образ принца получается, – Димины улыбка стала ещё шире.

– Ага, собирательный образ, – Катя отвела глаза к залитому восходящим солнцем горизонту и тяжело вздохнула, задумавшись, как бы перевести тему, – а скажи, как всё-таки прекрасен этот мир! Разве можно вдохновиться в городе? Ты встречаешь городской рассвет, а вокруг уже катят машины, летит пыль, и – дома, дома, дома. И рассвет как будто блёклый, серый... Вернёшься домой – интернет, тупые шутки, пельмени. А здесь невероятной красоты закаты, нежные восходы... Правда, собеседники докапываются не по делу, но тут уж ничего не поделать, – девушка едва заметно улыбнулась.

Дима сидел, задумавшись. Катя поднесла руки к губам и выдохнула на них, пытаясь согреть. Парень положил тетрадь на сиденье, протянул свои ладони и взял её руки в свои.

– Холодные, – произнёс он задумчиво – не согрелась, значит?

Дима пересел ближе к Кате и приобнял её. Девушка удивлённо отодвинулась. Она всегда отодвигалась, когда Дима переставал себя вести, как просто друг. Конечно, она очень хотела растаять в его объятиях, но боялась, что так даст ему

шанс, надежду, и они, повстречавшись недолго, расстанутся и потеряют друг друга во всех смыслах: не смогут быть ни семьёй, ни друзьями. Дима был очень дорог девушке, она не могла рисковать из-за сильной симпатии к нему. Катя не могла себе позволить потерять его.

– Мне домой надо. А то я совсем замёрзла, – сказала она быстро и вылезла из лодки, – Спасибо за толстовку, но я просто уже давно сижу здесь, поэтому мне так просто не согреться...

– Я тебя провожу, – спохватился Дима, – ты так забавно выглядишь в моей толстовке, жаль – фотоаппарата нет, – улыбнулся мальчик.

Однако нельзя было не признать, что даже в таком виде – с запутанными волосами, в зелёной Димкиной толстовке из которой нелепо торчал белый воротник свитера, Катя была весьма и весьма прелестна.

Юные романтики на пионерском расстоянии пошли в сторону домов. Дойдя до своего, не так давно отремонтированного, домика, Катя сняла с себя Димину кофту, и, сказав спасибо, уже хотела уйти, но парень остановил её.

– И ты просто вот так уйдёшь?

– А что? – не поняла Катя.

– Просто..., – Дима запнулся.

Он не знал, что сказать, чтобы продлить очарование этого утра, но Катя его сама опередила:

– Хочешь чаю?

– Я не люблю чай, – скривил губы Дима.

– Да ладно. Согреемся, – улыбнулась Катя и ненадолго скрылась в глубине дома.

Дима поёжился от холода и присел за столик, стоявший на веранде.

Катя выпорхнула из дома, и, казалось, с особой осторожностью, поставила на стол две небольшие чайные чашечки с золотистыми узорами. Затем девушка принесла изящные позолоченные ложечки и фарфоровую сахарницу. Последний поход Катя завершила принесением заварочного чайника и кипятка. Девушка улыбнулась, глубоко вздохнула, будто на секунду задумавшись, и всё так же аккуратно, даже с какой-то нежностью, разлила заварку насыщенного солнечно-оранжевого цвета из небольшого чайничка. Добавила кипятка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.